

КУДА ПРИШЛА РОССИЯ?

Статья первая. Два типа капитализма *

1. Пролог: Теоретический «дефолт» российского радикал-реформаторства

После 17 августа 1998 г., когда тогдашнее правительство фактически признало руководимую им страну банкротом, неспособной платить по долгам, которые накопились «у нас» за годы «радикальной рыночной реформы», разговоры о том, «Куда идет Россия?», стали приобретать все более двусмысленный характер. Ибо в этой вопросительной фразе обнаружило свою полную неопределенность, если не бессмысленность, не только первое же слово («куда?»), но и второе — «идет». В самом деле, идет ли вообще куда-то наша страна или топчется на месте? Плывет ли она по течению (течению чего?) или барахтается в затягивающей ее трясине? А это значит, что сегодня основной наш вопрос уже не «куда?», а «где?». Где мы оказались в итоге широко разрекламированных рыночных реформ, столь же импульсивных, сколь и бестолковых? На «столбовой дорожке капиталистической цивилизации» или на ее обочине? А может, вообще в ее «отстойнике»? И в таком случае кто мы такие, не только позволившие произвести над собою этот роковой эксперимент, но и потакавшие господам экспериментаторам своим молчанием (ставшим особенно красноречивым после того, как даже «право на недоумение» россиян по поводу их экономических авантур было бесцеремонно раздавлено с помощью танковых орудий)?

А так как эти и подобные им «последние вопросы» возникали (и продолжают возникать) у нас на фоне очевидной неудачи попыток построить в постсоциалистической России капитализм (желательно современного американского образца), то и само чувство разочарования, вызвавшего их, вылилось в ходячую формулу: не тот капитализм. А тот, что у нас нынче «случился», даже его «крестные» именуют не иначе как «грабительским» (или «бандитским»), «воровским» (или «вороватым») и т. д. капитализмом. То есть даже они норовят откреститься от своего крестника, делая вид, что не имеют к нему никакого отношения. Впрочем, дело не только в этом, а также и в том, что таким образом даже наши «облеченные властью» экономические «просветители» практически признают сегодня эмпирический факт существования по крайней мере двух капитализмов. (И это вопреки их собственной догме о принципиальной возможности всего лишь одного-единственного типа капитализма, которую они безоговорочно разделяли в момент «зачатия» своей «рыночной реформы», вместе

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № Н 97-06-80337).

Давыдов Юрий Николаевич — докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Адрес: 117259. Москва, ул. Кржижановского, 25/35, корп. 5.

Тел.: (095) 7190940. Факс: 7190740. E-mail: vad@socio.msk.su

с автором «Капитала» — создателем «подлинно научного учения» о капиталистической общественно-экономической формации.)

Правда, при этом у них, по-видимому, все еще оставалась возможность как-то свести здесь концы с концами, объявив нормальным всего лишь один из этих двух типов капитализма, а именно, тот, что можно было бы представить в качестве соответствующего его современному североамериканскому образцу. Тогда второй из них легко квалифицировать как патологическое отклонение от него. И, стало быть, марксистская догма относительно «единственности» капиталистического типа хозяйствования, казалось бы, вновь восстанавливалась в своих прежних правах. Таким образом, последним и окончательным аргументом в пользу этой догмы становился, как это ни парадоксально, современный американский капитализм, принимаемый за аутентичное воплощение капиталистической «нормы» и призванный пребывать в таком качестве «ныне и присно, и во веки веков». Что же касается упомянутых «уклонений» от нее, то теоретики, верующие в существование одного-единственного капиталистического типа, были обречены искать их причину уже не в природе самого капитализма, а за его пределами — в патологических особенностях «менталитета» тех стран (среди которых на первом месте оказалась нынче Россия), где потерпели неудачу дорогостоящие попытки реализовать американский капиталистический образец.

И тут открывается необозримая перспектива морализующих истолкований этой самой «ментальности» (например, как «вороватости» — определение, принадлежащее Е. Гайдару), с помощью которых вчерашние горе-реформаторы норовят сбросить с себя ответственность за вчерашний авантюризм и головоутиение по принципу «с больной головы на здоровую». Не замечая, что тем самым они дезавуируют все свои недавние ссылки на «научную объективность». Так что — прощай, «строгость и объективность» монетаристской экономической науки, ссылками на которую еще вчера оправдывались самые рискованные эксперименты над российской экономикой. Оказывается, сперва нужно было вспомнить о «вороватой ментальности» россиян, а затем уж решать: возможна ли у них настоящая «рыночно-монетаристская» реформа, или нет. И стоит ли вообще осчастливить их ею, или не стоит?

Если же взять проблему «русской ментальности» саму по себе, очистив ее от той демонстративно оскорбительной формулировки, в какой она видится сегодня незадачливым реформаторам, обидевшимся на упругость российской субстанции, не желая признать свой теоретический «дефолт», то не так уж трудно будет заметить, что перед нами тот же самый вопрос о нашей «самобытности», над которым еще полторы сотни лет назад бились русские славянофилы, впервые всерьез сформулировавшие его. Как видим, он до сих пор еще остается «открытым», хотя при всей своей «открытости» скорее запрещает всякое радикал-реформаторство, антиисторическое уже по определению, чем оправдывает его. И коли уж даже наши «крутые» западники оказались вынужденными прибегнуть к славянофильским «ходам мысли», значит, плохо их дело. Иначе им не пришлось бы обращаться за поддержкой к своим заклятым супостатам.

2. Краткая история вопроса

Единственный способ избежать теоретического и мировоззренческого «дефолта» (вкратце обрисованного здесь), оставшись в границах серьезного науч-

ного рассмотрения проблемы «нового русского» капитализма (как его обычно называют, не имея пока что более точного определения), — это попытаться восстановить нашу оборванную связь с традицией целостного анализа капиталистического способа хозяйствования. А именно — анализа, который в самом общем виде можно определить с помощью двух «не». Он не замыкается ни в границах «чисто» (или абстрактно) экономического подхода к капитализму, неременной платой за который оказывается, как мы только что убедились, морализация, идеологизация, а то и вовсе мифологизация содержания его конкретной проблематики, ни в пределах «политэкономической» оценки, какой у нас обычно подменяют содержательный анализ капитализма «экономисты», более склонные к наукообразному политиканству, чем к действительно научному размышлению и скрупулезному исследованию.

Эта традиция была заложена еще в самом начале нашего века, с одной стороны, В. Зомбартом — выходцем из немецкой школы «национальной экономики» (известной также под названием «исторической политэкономии»), а с другой — видным экономистом (признанным ныне классиком социологии) М. Вебером, который в споре с этим своим коллегой выдвинул целый ряд в высшей степени плодотворных идей, актуальность каковых мы можем оценить в полной мере лишь сегодня, когда обнаруживается их применимость для теоретически обоснованной идентификации «нового русского» капитализма. Так же как и В. Зомбарт, М. Вебер, больше известный нынешнему читателю в качестве одного из основоположников современной социологии, шел к ней через немецкую историческую политэкономия, которая изначально была для него не столько «политической», сколько именно социальной экономией, открывавшей путь к обновленной социологии. Это был путь ее нетрадиционного развития — уже не столько в качестве «естественной», сколько в качестве гуманитарной дисциплины, шаг за шагом вводимой М. Вебером в круг наук о культуре. Любопытно, однако, что еще до того как он проделал весь этот путь создания своей версии социологии (которую — в отличие от классической социологии XIX в. — можно было бы назвать «неклассической»), аналогичную метаморфозу испытала у него и социальная экономия. Причем в высшей степени симптоматичен тот факт, что начало этого теоретического переворота было положено циклом веберовских статей 1904—1905 гг., известном под названием первой из них: «Протестантская этика и «дух» капитализма».

В этой работе, посвященной целостному анализу социокультурной генетики капитализма и по праву считающейся образцовой как среди экономистов, так и среди социологов, для нас в данном случае особенно интересно и важно то, что М. Вебер, кроме всего прочего, развивает в ней концепцию, имеющую прямое отношение к нашей сегодняшней проблеме — проблеме теоретически обоснованного (а не эмоционально-морализующего) различения тех или иных типов капитализма, с какими нам приходится встречаться сегодня. Дело в том, что этот универсально образованный экономист решительно восстает против марксистской (впрочем, не только марксистской) догмы о существовании одного-единственного капиталистического типа, который фигурирует у автора «Капитала» под названием «общественно-экономической формации». А эта, капиталистическая, формация располагается им в раду других, помещенных на лестнице «социально-исторического прогресса», который, согласно его посту-

лату, с «естественно-исторической» необходимостью влечет человечество от первобытной общины к коммунистическому обществу Будущего.

В основе такого видения истории человечества лежит (теоретически не доказанное) представление о Прогрессе, на — воображаемую — «восходящую линию» которого нанизываются, как шашлыки на шампур, «исторически обусловленные» формации. Наглухо привязывая новоевропейский капитализм, свидетелем которого ему довелось быть, к одной из таких «формаций», К. Маркс заранее замыкал исторический горизонт своей теории хронологическими рамками Нового времени. А запрещая себе даже саму постановку вопроса о существовании капитализма в иные исторические эпохи, он табуировал, как «ненаучную», также и проблему возможности существования, наряду с новоевропейским, еще какого бы то ни было капиталистического типа. Допущение таковой означало бы для него не только отказ от систематически развернутой теории капитализма, но и крах всего его мировоззрения вместе с лежащей в его основании просветительской идеей Прогресса. (Вот куда уходят корни нынешнего интеллигентского догмата о возможности лишь одного-единственного типа «нормального» капитализма).

Однако уже во второй половине XIX в. были опубликованы работы крупнейших немецких историков — Т. Моммзена и Э. Майера, разрушавшие прогрессистское представление о хронологических (а заодно и географических) границах капитализма. Первый из них привел веские доказательства в пользу вывода о существовании этого феномена еще в Древнем Риме, а второй пошел еще дальше, приводя новые и новые исторические факты, позволявшие говорить о его распространенности также и в других странах античного мира. Правда, оба этих автора не проводили сколько-нибудь существенных различий между древним капитализмом, существенные черты которого усматривались ими в различных европейских и азиатских странах, и капитализмом Нового времени, первоначально укоренившимся в странах Европы, а затем перекочевавшим и на американский континент. По этой причине первоначальное убеждение относительно принципиальной возможности существования одного-единственного капиталистического типа могло казаться не поколебленным. (Тем более что оно не противоречило гораздо более раннему, чем марксистское, представлению классиков политической экономии об извечности капиталистического способа хозяйствования.)

И только М. Вебер, указавший на типологические различия между современным капитализмом и тем, что возник и получил распространение еще в глубокой древности (хотя он, согласно его наблюдениям, дожил до современности, вступив с нею в, мягко выражаясь, «непростые» отношения), фактически поставил вопрос о существовании по крайней мере двух типов капитализма. Типов, каждый из которых является вполне самостоятельным и, чтобы существовать (при прочих равных условиях), не нуждается в другом. А потому ни один из них не может считаться патологическим извращением другого, — скажем, подобно тому, как норовят сегодня квалифицировать «новый русский» капитализм, усматривая в нем убудочное вырождение современной капиталистической «нормы». При всей их «неравноценности», бросающейся в глаза современным наблюдателям, они, если можно так выразиться, «равнозначальны». Каждый из них может быть отнесен к своему собственному прототипу —

в одном случае восходящему к античному, в другом — к тому, который может быть отнесен к началу Нового времени. Такова общая теоретическая позиция, отправляясь от которой М. Вебер считал возможным осуществить научно обоснованное сопоставление двух типов капитализма, выявив их глубинные, а не поверхностные, фундаментальные, а не случайные, различия.

И хотя на данном этапе рассуждения мы пока еще не можем утверждать, что проблема типологического различения античного и современного капитализмов, которую М. Вебер тематизировал для себя почти сто лет назад, совершенно идентична той, с какой мы столкнулись, обнаружив непреодолимую пропасть между «новым русским» капитализмом, так неожиданно «случившимся» у нас в результате «радикальной рыночной реформы», и современным капиталистическим образцом, на который ориентировались российские радикал-реформаторы, — все-таки есть смысл вернуться к упомянутому веберовскому различению в надежде приблизиться к пониманию также и нашего собственного (кстати сказать, типично русского) вопроса.

3. М. Вебер об основном отличии архаического капитализма от новоевропейского

Нам еще предстоит в дальнейшем говорить о веберовских различениях, касающихся этого сюжета, более подробно, хотя и не специально, а в контексте напрашивающегося в каждом отдельном случае более конкретного сопоставления «нового русского» капитализма с современным западным. Пока же, несколько нарушив общую последовательность нашего изложения в чисто дидактических целях, напомним вкратце о двух взаимосвязанных моментах, существенных для веберовского понимания капитализма вообще, — отличающих его, во-первых, от марксистского (а вместе с тем и от нынешнего радикал-реформаторского), и, во-вторых, от моммзеновски-майеровского.

В отличие от К. Маркса с его концепцией «общественно-исторических формаций», М. Вебер, подобно Т. Моммзену и Э. Майеру, не ограничивает капитализм рамками Нового времени, определяя понятие «капиталистического хозяйства» [1, с. 14] и «капиталистической структуры», «капиталистического» вообще [с. 15] таким образом, чтобы под него можно было подвести также и «резкими толчками приливающие и отливающие «хрематистические» эпохи» (там же) рабовладельческой древности. «Одно, — пишет он, — ...во всяком случае неоспоримо — это то, что под «капиталом» всегда следует разуметь частно-хозяйственный «приобретательский капитал» (Erwerbskapital)...; следовательно, блага, которые служат цели приобретения «прибыли» в процессе обращения благ» (там же). Отправляясь от этого постулата, М. Вебер заключает: «Производство при помощи купленных рабов (т.е. производство в условиях, в которых рабы являются нормальным предметом оборота, безотносительно к тому, были ли они действительно (in concreto) приобретены путем купли) на собственной или арендованной земле есть, с экономической точки зрения конечно, «капиталистическое» производство: земля и рабы составляют предмет свободного оборота и, конечно, представляют собою «капитал»: рабочая сила, в отличие от того, как это делается в производстве с помощью «свободного труда», покупается, а не нанимается, а если (в виде исключения) нанимается,

то не у ее носителя (рабочего), а у его господина» [1, с. 17]. Таковы чисто экономические соображения, которые побуждают М. Вебера отказаться от «формационного» понимания капитализма, замыкающего его в заранее данных хронологических рамках, запрещающих дальнейшее историческое исследование.

Но, в отличие от Т. Моммзена и Э. Майера, с которыми его сближало это «чисто экономическое» определение капитализма, М. Вебер не склонен заходить здесь слишком далеко, «вообще» отвергая необходимость «применения к древности особых экономических категорий». Он не считал научно корректной попытку Э. Майера, даже «по крайней мере к классическому периоду расцвета Афин, оперировать... совсем современными понятиями, как «фабрика» и «фабричные рабочие» [1, с. 9]. Возражая против подобного стремления представить «в достаточно современном духе» (...) условия тогдашней хозяйственной жизни», М. Вебер писал: «до сих пор не доказано существование в древности даже свободной «домашней промышленности» (..) в том значении этого понятия, в каком она существовала уже в XIII веке по Р. Х., т.е. с договорными формами кустарной системы («Verlagsystem»)». Но уже совершенно не имеется до сих пор никакого доказательства существования «фабрик», хотя бы только в чисто техническом смысле, в смысле организации производства... Ни о каких промышленных предприятиях, которые бы по своим размерам, по своей долговременности и техническим свойствам (концентрации процесса труда в мастерских с разложением и с соединением труда и с «постоянным капиталом») заслуживали названия фабрики, как о сколько-нибудь распространенном явлении, источники не знают ничего» [1, с. 9–10].

Как видим, первое, на что обращает внимание автор «Аграрной истории древнего мира», проводя теоретически обоснованное различие между современным и античным типами капиталистического хозяйства, это существование промышленности в первом и ее отсутствие во втором случае. Причем, оговоримся, речь идет о промышленности именно в современном «техническом смысле», предполагающем целый ряд соответствующих социальных и экономических определений. А именно: совокупность, или даже систему «промышленных предприятий», которые действительно отвечали бы названию «фабрика» как с точки зрения их необходимых размеров, так и с точки зрения длительности их существования. Ибо это как раз те «пункты», где осуществляется процесс не только количественной, но и качественной концентрации труда, связанной и с его разделением, и с последующим соединением в новые сочетания обособленных элементов. Только в этом социально-технологическом процессе и реализуется объединение таких собственно экономических категорий, как «постоянный капитал» и «переменный капитал». Так что в целом то, что М. Вебер назвал «фабрикой» в «чисто техническом смысле, в смысле организации производства», им же самим расшифровывается также и в экономических и в собственно социологических понятиях.

4. Античный капитализм и «новый русский»

Итак, основное и бросающееся в глаза отличие, первого из рассмотренных выше «типов хозяйственной организации» [2, с. 8] от второго М. Вебер связы-

вает с тем фактом, что античность не знала промышленности в современном техническом, социологическом и экономическом смыслах этого слова, а значит, и не располагала таким мощнейшим орудием и средством образования и приумножения капитала, какой имеет в своем распоряжении современный капитализм. Потому этот последний и является, прежде всего и главным образом, высокопродуктивным индустриальным капитализмом, по сравнению с которым первый является скорее потребительским, если не паразитическим. «Среди составных частей капитала, — писал М. Вебер, имея в виду античный капитал — разумеется, отсутствуют все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний «постоянный капитал»... Среди способов эксплуатации капитала отстывает на задний план помещение капитала в промышленность и, в частности, в «крупные производства» в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению совершенно отступил на задний план: государственный откуп» [3, с. 19]. (Речь идет об откупе налогов, государственных должностей, выгодных заказов, привилегий и т. п.).

Нам еще предстоит в дальнейшем специально вернуться к этому утверждению М. Вебера, которое совершенно справедливо по отношению к современному западному капитализму, однако вызывает серьезные сомнения применительно к нашему «новому русскому». А пока обратим внимание на первое же более широкое определение, какое он дает античному капитализму (в частности и в связи с тем, какую роль играл тогда этот самый «государственный откуп»): «политический» капитализм, т. е. капитализм, связанный своей пуповиной с фискальной политикой государства. Речь идет об «архаической» разновидности государственного капитализма (очень напоминающей нашу теперешнюю), когда государственная власть, отказываясь от части «своей» (у нас она считалась общенародной) собственности в пользу капиталистов (у нас их обычно называют «олигархами»), систематически «подкармливала» их, держа на коротком поводке.

Однако такое положение дел сохранялось, как правило, лишь до тех пор, пока «заматеревший» младенец не становился достаточно сильным для того, чтобы не просить, а властно требовать государственной «подпитки», диктуя властям свои собственные правила финансово-политической игры как внутри страны, так и за ее пределами. Тем самым капиталисты фактически «откупали» теперь у государства уже не те или иные отдельные привилегии и «хлебные» должности, а саму его власть: право принимать общеполитические решения. Так возникала ситуация непримиримой борьбы за власть между государством и — им же и вскормленным — «архаическим» капитализмом. Борьбы, которая, как утверждал М. Вебер (солидаризировавшийся в этом отношении с Т. Моммзеном и Э. Майером), определяла в античной истории гораздо большее, чем можно было бы предположить.

Таков смысл словосочетания «политический капитализм» — одного из первых веберовских понятий, объединяющих два ранее разъединенных измерения общественной жизни — экономическое и политическое, какое употребляет М. Вебер для того, чтобы противопоставить непромышленный «архаический» капитализм современному индустриальному. При этом он не упускает

случая подчеркивать, что «хозяйственная деятельность» привилегированной страты «откупщиков», задававшая модель капиталистической деятельности античного типа, «не была еще ориентирована в первую очередь ни на рациональное использование капитала посредством внедрения его в производство, ни на рациональную капиталистическую организацию труда» [2, с. 80].

Но, кроме того, что у нас обычно называют в подобных случаях «государственной кормушкой», в античности существовали, как существуют и в наше время (в особенности в условиях «нового русского» капитализма), также и другие непромышленные источники накопления и приумножения капитала, к которым тут же присасывались (и присасываются) также предприниматели соответствующей — непроизводительной — ориентации. Их «хозяйственную деятельность» М. Вебер квалифицирует подчас как «докапиталистическую» в широком смысле, желая противопоставить ее высокопродуктивной деятельности в условиях промышленного капитализма, предполагающего совершенно иные, чем в античности, способы накопления и приумножения капитала. Они лишь отчасти вступают в «мирное сосуществование» с прежними (традиционными), но гораздо чаще утверждают себя, преодолевая их ожесточенное сопротивление, что уже на первых этапах развития современного капитализма вызывало (и до сих пор вызывает) более или менее острые общественно-политические конфликты между ним и «архаическим» типом капиталистического предпринимательства. Согласно М. Веберу, этими конфликтами, острота которых каждый раз определялась соотношением противоборствующих сил, отмечена вся история становления и последующей эволюции современного капитализма.

5. Типичные социальные фигуры архаического и «нового русского» капитализма

Чтобы разобраться в них, вспомним, какие социальные фигуры, персонализирующие два столкнувшихся типа капитализма, фактически противостояли друг другу на протяжении этой истории. Ведущие социальные фигуры капитализма современного западного типа нам хорошо известны. Но о соответствующих персонажах античного капитализма мы еще не говорили специально. Теперь настала очередь сказать и о них, сопоставив их с функционерами нашего «нового русского» капитализма. Такое сопоставление представляется для нас более целесообразным, поскольку оно, во-первых, находится на основной линии нашего сюжета, а во-вторых, позволяет конкретизировать веберовскую постановку вопроса о взаимоотношении двух типов капитализма в условиях современности применительно к специфическим реалиям постсоциалистической эволюции России.

Характеризуя «архаический» капитализм с помощью перечисления социальных фигур, персонализирующих его, М. Вебер называет «существующий во всем мире в течение трех тысячелетий — в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время — капитализм ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов» [3, с. 118]. Здесь, — а речь идет об одном из примечаний к новому изданию «Протестантской этики», — на первом месте стоят уже не откупщики, как в работе об аграрной истории древнего

мира, но именно ростовщики. И это выведение их на передний план, пожалуй, еще больше отвечает веберовскому желанию подчеркнуть паразитарную природу «архаического» капитализма (напомним, рабовладельческого по своему происхождению и той роли, какую играло рабовладение среди первоначальных разновидностей капиталистической собственности), его изначальную «дистанцированность» от сферы продуктивного применения капитала.

Говоря о «капитализме ростовщиков», М. Вебер имеет в виду его органическую связь с торговлей деньгами. Разумеется, крупными, отдаваемыми «взаимы» государству (или тем, кто персонифицировал его в каждый данный момент) под немалые проценты. Этот вид крупнокапиталистической деятельности заставляет здесь вспомнить (кроме всего прочего) о той, что совсем недавно практиковалась у нас на «рынке ГКО» — государственных краткосрочных обязательств, которые продавались «денежным людям» (или «структурам») под проценты, поражающие своими размерами даже видавших виды западных наблюдателей. Роль античных займодавцев играли в нашей стране либо очень богатые и близкие к «властям предержащим» (а потому хорошо осведомленные о закулисных «правилах финансовой игры») российские ростовщики новой формации, либо так называемые «нерезиденты».

Другую преобладающую разновидность «архаической» капиталистической деятельности, особо выделенную М. Вебером, упомянувшим на втором месте «военных поставщиков», мы могли бы и опустить, поскольку она, что называется, «имеет место» и в условиях современного промышленного капитализма. Однако следует иметь в виду, что в античности эта деятельность развертывалась в условиях отсутствия промышленных источников «добывания» капитала, заменяя их и тем обеспечивая ей первостепенную роль в формировании и функционировании «архаического» капитализма. А кроме того следует учесть, что у нас военные поставки (например, в период недавней «русско-чеченской войны», развязанной в пределах одного и того же государства) имели своим источником не развитие, а наоборот, развал военной промышленности, разбазариваемой направо и налево в условиях хаотической «демилитаризации» нашей страны, усугубляемой целенаправленной «прихватизацией» ее собственности. Так что в конечном счете и здесь «военные поставщики» имели столь же благоприятные (если не более, учитывая несоизмеримые масштабы вооружений) условия для своих — «политико-экономических» — авантюр, как и их архаические предшественники, шустрившие в условиях античного «авантюристического капитализма» (так не раз называл его сам М. Вебер). Если же прибавить к этому возрастающую день ото дня потребность в оружии «криминальных структур», в связи с чем неуклонно (и скачкообразно) растет его — и без того фантастическое — количество, находящееся в «теневом» торговом обороте, то можно с уверенностью заключить, что нелегальные «военные поставщики» сыграли (и продолжают играть) в формировании и последующей эволюции нашего «нового русского» капитализма, так похожего на «архаический», ничуть не меньшую роль, чем те, которых упомянул М. Вебер в приведенном фрагменте.

Дальше идут у него уже упомянутые нами «откупщики должностей и налогов». К сказанному об «откупах» выше (с целью показать, что в условиях «нового русского» капитализма они «по своему значению» вовсе не «отступили на

задний план», как это произошло на Западе, когда там пробил себе дорогу промышленный капитализм, а наоборот, укрепили и существенно расширили свои позиции, хотя и под другими названиями) здесь можно добавить лишь следующее. В некоторых из закавказских республик, а в особенности в Азербайджане, аналогичный процесс наметился еще в «застойные» и «раннеперестроечные» времена. Об этом свидетельствовали в своих публикациях некоторые из тогдашних «отъезжантов». Например, Земцов, автор книги «Проданная республика», вызвавшей сенсацию на Западе. В ней приводились любопытные данные о том, сколько в Азербайджане стоила та или иная «партийно-хозяйственная» должность (скажем, «пост» директора крупного завода или секретаря райкома КПСС), обещавшая ее обладателю немалые «дивиденды». После появления такого рода публикаций многочисленные анекдоты на эту тему, имевшие широкое хождение в центральной России еще раньше, уже не воспринимались как «хохмические» гиперболы и небылицы.

И хотя тогда было еще довольно далеко до превращения этих, казалось, «нетипичных» явлений в массовые и всероссийские, преискурант должностей и привилегий, становившихся объектом купли-продажи на южных окраинах России, весьма выразительно свидетельствовал о том, какие деньги крутятся там в ожидании своего часа. И стоило только чуть-чуть приоткрыть ... шлюзы, как эти «сумасшедшие деньги» хлынули на территорию центральной России, пробив дорогу для укоренения здесь капитализма того особого типа, который воплотился (на глазах изумленных россиян) в образе «нового русского» капиталиста, способного превратить в предмет «откупа» все что угодно. А это уже с самого начала предопределяло ту «генеральную линию», по которой должно было пойти у нас развитие капитализма. Отданное нашими высокопоставленными экономистами на откуп рыночной стихии, — в их близоруком уповании на то, что «невидимая рука рынка» все расставит по своим местам, — оно, это «развитие», оказалось во власти столь же «сумасшедших», сколь и непродуктивных денег, возникших не в промышленной, а в торгово-авантюрной, т. е. (учитывая более чем архаическую специфику нашего «рынка») базарной сфере. А в ней мог сформироваться лишь соответствующий ей, т. е. не рыночный, а «базарный» социокультурный тип капитализма со всеми вытекающими отсюда прискорбными для нашей экономики последствиями.

Как мы убедились на своем горьком опыте, этот воистину «базарный» капитализм древневосточного типа, возникший в России благодаря близоруким усилиям наших «крутых» западников, быстренько положил на обе лопатки промышленность, унаследованную от столь же скоропалительно, сколь и бездарно «отмененного» социализма. Сократил ее до карикатурно мизерных размеров, перекрыв ей кислород инвестиций (которые бурным потоком «утекали» на частные счета «новых русских» в зарубежных банках), и приступил к дешевой распродаже производственных фондов страны (еще вчера числившейся в первых рядах индустриально развитых держав). Процесс, который все еще продолжается (хотя уже «втихую»), — разумеется, без обещанного (это на путях-то сплошной деиндустриализации России!) «подъема материального благосостояния» ее населения. А поскольку промышленность, как показал М. Вебер, это совсем не только «технический», но и социально-экономический, шире — социокультурный — феномен, нетрудно было предположить с самого начала

какой общенациональной, общероссийской катастрофой должен был обернуться этот «радикал-реформаторский» бизнес наших власть предержащих экономистов, вступивших (поначалу даже не подозревая об этом) в союз с грядущими гуннами «новой русской» закваски, одетыми по последней западной моде.

6. Вместо эпилога

Как видим, и непромышленный характер «нового русского» капитализма, и фискально-политическое происхождение «новых русских» капиталов, и паразитическая «социальная близость» его основных персонажей соответствующим фигурам античного капитализма, — все это позволяет причислять наш нынешний капиталистический тип к архаическому. Однако тот факт (казалось бы, «неудобный» для нашей концепции), что российский вариант «архаического» капитализма возник на почве далеко идущей деиндустриализации и демодернизации нашей промышленности, унаследованной от социализма, может рассматриваться и как аргумент в пользу вывода об отличии «нового русского» капитализма от античных капиталистических разновидностей, возникших в условиях полного отсутствия таковой. Впрочем, этот аргумент утрачивает значительную долю своей силы, если не забывать при этом, что основная особенность генезиса и всей последующей эволюции «нового русского» капитализма до сих пор заключалась в том, что для него эта «почва» была скорее отрицательной, чем положительной: чем-то изначально чуждым, неорганическим, в лучшем случае «утилизируемым» не по своему прямому назначению, а как мертвый «материал», который важно поскорее сбыть (чтобы замести следы состоявшегося хищения чужой собственности), а там — «хоть трава не расти». Вот она и не растет до сих пор, поскольку сам факт продажи и перепродажи похищенной собственности ничего не прибавляет к субстанции самого «сбываемого» предмета.

В результате «новый русский» капитализм, с первых же своих шагов на многострадальной российской земле ведущий к неуклонному спаду промышленного производства (в конце концов захватывающего даже добывающую промышленность) и все дальше заходящей деиндустриализации и демодернизации всей страны, создает как экономически, так и социокультурно адекватную для себя почву, вполне аналогичную той, на какой произрос в свое время античный капитализм. И хотя исходные пункты этих двух разновидностей одного и того же типа «капиталистической деятельности» были радикально различными, все-таки сошлись они в одной и той же точке, исключаяющей промышленное развитие, лишаящей его социально-экономических и культурно-исторических перспектив. Для достижения на этом пути абсолютного тождества с капитализмом трехтысячелетней давности «новому русскому» капитализму остается сделать последний шаг: превратить в объект купли-продажи не только «рабочую силу» человека («рабсилу» — как она выразительно именовалась в бюрократических документах тоталитарной поры), но его самого вместе со всеми «потрохами», тем более что стоимость последних на черном (очень черном!) рынке неуклонно возрастает вместе с успехами трансплантации человеческих органов. Однако симптомы продвижения в отмеченном направлении внимательный наблюдатель может констатировать не только в области «подпольной медицины»; к той же симптоматике можно отнести и торговлю «жи-

вым товаром» в «сексуально ориентированном» бизнесе, не говоря уже о наркомбизнесе, где наркоманы готовы продать самих себя (не говоря уже о своих близких) за очередную «понюшку» наркотика.

И, наконец, нельзя забывать также о торговле так называемыми заложниками, а в действительности рабами, которую так и не удается искоренить как раз в тех «украинных» районах бывшего СССР, из которых уже во времена «позднего застоя» и «ранней перестройки» в центральную Россию проникали семена и споры грядущего «архаического» капитализма. Отсюда и законный вопрос: а не потому ли для нас, россиян, привыкших гордиться своей великой культурой, оказалась такой трудной проблемой рабовладельческая Чечня (которую я так хотел бы отделить от всего чеченского народа, к сожалению, далеко не всегда отдающего себе ясный отчет в том, кого он подчас поддерживает), что мы, со своим «новым русским» капитализмом, культурно-исторически оказались в опасной близости к чеченским торговцам «живым товаром»? В той парадоксальной близости, которую мы так и не хотим осознать теоретически, хотя признаем практически, когда предоставляем возможность «договариваться» с работорговцами насчет «выкупа» за их «товар» как раз тем «новым русским», которые давно уже овладели языком капиталистической архаики.

Итак, купец-ростовщик, купец-откупщик, купец-поставщик, купец-работорговец и, наконец, купец-чиновник, создающий свой капитал с помощью взыскания, — таковы доминирующие фигуры капиталистов «архаического стиля», каждой из которых вполне возможно найти «взаимно-однозначное соответствие» среди «новых русских» персонажей. Среди них мы найдем, кроме того, и «крупных торговых предпринимателей» и «крупных финансовых магнатов», которых М. Вебер также не забыл упомянуть в своем перечне типичных представителей античного капитализма (и которых у нас нынче «пруд пруди»). Одним словом, куда ни глянь — везде рискуешь попасть в тот или иной веберовский персонаж, отличающийся от своего прототипа лишь модным европейским костюмом. А вот те, кого еще совсем недавно называли у нас «капитанами промышленности», переводя на советский язык слова О. Шпенглера о промышленниках «большого стиля» (и называли не без основания, поскольку именно им страна была обязана не только индустриализацией, но и последующей модернизацией индустрии), нынче жмутся где-то на российских задворках, тщетно пытаясь свести концы с концами на своих «лежащих на боку» предприятиях.

По сравнению с вышеупомянутыми персонажами, имеющими прямой доступ к «трубе», перекачивающей деньги из карманов налогоплательщиков в «черные дыры» госбюджета, они теперь явно люди второго сорта, обреченные ходить «по инстанциям» с протянутой рукой, повсюду встречая все тех же «хозяев жизни», делающих свои деньги «из воздуха», не пачкая своих пальцев, окольцованных перстнями, «грязной тачкой» промышленного производства. Видимо, знаменитое лагерное «грязной тачкой рук не пачкай» теперь становится нормой не одних лишь «воров в законе». Впрочем, как убедительно свидетельствует в высшей степени поучительная статья С. Глинкиной «Особенности теневой экономики в России» [2, с. 13], дистанция между нынешними уголовниками и кое-кем из респектабельных «новых русских» капиталистов совсем не так велика, как можно было бы ожидать. В целом же картинка вчерашнего «капитана промышленности» с протянутой рукой на фоне всемогущего торго-

ша (сегодня ему присвоена аристотелевская квалификация «олигарха»), достаточно точно воспроизводящая «весовые соотношения» в нашей нынешней экономике двух рассматриваемых типов капитализма и капиталистической деятельности, красноречиво свидетельствует о том, какой из них победил (по крайней мере «на данный исторический момент») при хитроумном содействии наших власть имущих приватизаторов и ваучеризаторов.

А в целом, мы можем констатировать, что те же самые социальные типы, которые доминировали, согласно М. Веберу, в условиях «архаического капитализма» трехтысячелетней давности (и все еще живут сегодня в «интермундиях» новейшего западного капитализма, время от времени проникая и в «большой свет»), захватили руководящие социально-экономические позиции и в структуре нашего «нового русского» капитализма, оттеснив на периферию, если не «замочив» вовсе, фигуры, типичные для современного индустриального капитализма. Того самого, что, как видим, задает сегодня тон не только на Западе, но и на Дальнем Востоке, жестко диктуя свои «правила игры» персонажам, унаследованным капиталистической современностью от архаического прошлого.

Но тогда как же нам определить «новый русский» капитализм? Судя по всему, тот факт, что мы имеем с ним дело сегодня, еще не дает нам никаких оснований считать его современным капитализмом. Типологически он гораздо больше схож с «архаическим» капитализмом, заставляя ожидать от него то же самое, что он неизменно демонстрировал и продолжает демонстрировать сегодня на Западе. Там же, живя в его «интермундиях», т. е. прорехах, оставляемых «неравномерностями» глобальной эволюции современного капитализма, он достаточно ограничен в своих возможностях. Не случайно М. Вебер отказывал в праве считаться типичными представителями современного капитализма (его олицетворением) даже таким влиятельным мультимиллионерам, как, например, «Пирпонт Морган, Рокфеллер, Джей Гоулдс и др.», «как бы велико ни было их значение в хозяйственной жизни страны» [3, с. 279]. То же самое мы могли бы сказать и о наших нынешних «олигархах», — с тем, правда, отличием, что «величина» их значения «в хозяйственной жизни» скорее отрицательная, чем положительная. И связано это с тем, что вопрос «кто кого?» фактически решен у нас (в исторически данный «момент») явно не в пользу тех социально-экономических персонажей, которые олицетворяют тенденции современного высокоиндустриального капитализма (все равно — западного, восточного или еще какого-то образца). Мы могли бы позволить себе великодушную веберовскую оценку наших «олигархов» лишь на фоне общей победы промышленного капитализма, которая для нас жизненно необходима, над непромышленным, непродуктивным, словом — паразитическим (ныне олицетворяемым у нас «новыми русскими» миллиардерами, предпочитающими поддерживать своими капиталами «иноземную» экономику). Но, к сожалению, о такой победе мы можем сегодня лишь тоскливо мечтать.

Литература

1. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923.
2. Глинкина С. Особенности теневой экономики в России // Независимая газета: НГ-Политэкономия. № 5. Март 1998. С. 13.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Избр. произвед. М.: Прогресс, 1990.